

Александр Степанович Грин

Лабиринт

Александр Грин

Лабиринт

«Public Domain»

1916

Грин А. С.

Лабиринт / А. С. Грин — «Public Domain», 1916

«– У вас крепкие нервы, – сказал Филлат Джису, – а вы очень лениво тратите их на безопасные путешествия, сомнительные интриги, дуэли и кутежи. Отчего вы никогда не спросите хотя бы у меня, не могу ли я показать вам что-нибудь незабываемое, нечто решающее для вас? – Разве есть что-нибудь в этом роде? – быстро подхватил Джис. Этот разговор происходил в единственной гостинице маленького городка К. – Очень много есть любопытного, свыше всяческих ожиданий, – сказал Филлат, – и мне хочется, чтобы вы посетили знаменитый Лабиринт Аспера. Я не заговорил бы об этом, если бы мы случайно не очутились в К. Аспер живет здесь. Это миллионер-ипохондрик, и мысль выстроить Лабиринт принадлежит мне...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8

Александр Грин

Лабиринт

I

– У вас крепкие нервы, – сказал Филлат Джису, – а вы очень лениво тратите их на безопасные путешествия, сомнительные интриги, дуэли и кутежи. Отчего вы никогда не спросите хотя бы у меня, не могу ли я показать вам что-нибудь незабываемое, нечто решающее для вас?

– Разве есть что-нибудь в этом роде? – быстро подхватил Джис.

Этот разговор происходил в единственной гостинице маленького городка К.

– Очень много есть любопытного, свыше всяческих ожиданий, – сказал Филлат, – и мне хочется, чтобы вы посетили знаменитый Лабиринт Аспера. Я не заговорил бы об этом, если бы мы случайно не очутились в К. Аспер живет здесь. Это миллионер-ипохондрик, и мысль выстроить Лабиринт принадлежит мне.

– Как? – сказал Джис, невольно посмотрев на вылинявший костюм приятеля, – В каких же отношениях к Асперу были вы?

– Я исполнял обязанности «развлекателя», – печально пояснил Филлат. – Не дай бог, юноша, возьмется вам когда-нибудь за такое дело. У миллионеров характер тяжелый, затеи их громоздки и вульгарны, и нет совершенно воображения. Мои грандиозные планы сразу понравились Асперу. Он изнывал от скуки, и я уговорил его выполнить следующее: поставить на острове пустынной реки статую прекрасной нагой женщины, из белого металла, в позе горделивого превосходства; на берегу же, лицом к ней, – чугунное изображение негра, стоящего на коленях. Негр умоляюще протягивал руки к женщине, выражая фигурой и лицом смесь зверских инстинктов с возделением. Это попало в цель; вам известно, мой друг, что чернокожие мечтают о белых женщинах. Несколько дней подряд три оскорбленных племени яростно танцевали вокруг чугунного негра, пуская стрелы в недоступную речную красавицу – она стояла среди бурунов, неодолимых для лодок. Затем они передрались и переселились подальше.

– Вы раздумывали, прежде чем сообщить мне все это? – спросил Джис, холодея от нетерпения побыть в Лабиринте.

– Дело не в доверии, – сказал Филлат. – Просто я вас люблю и хочу показать вам преинтересное зрелище. Конечно, я и раздумывал также, но только об Аспере. Думаю, что сейчас к нему поехать удобно. Аспер эксцентрик. Самый прием его удивит вас.

II

Загородная вилла Аспера подступала садами к окраине городка К., а другой стороной обширного участка граничила с береговыми лесами. Был вечер; Филлат и Джис подъехали к восьмизэтажному дому. Вызолоченная, огромная, как ворота, дверь открылась сама, едва ноги гостей коснулись верхней ступеньки. Сила света круглого вестибюля, проникающего через все этажи, мгновенно утомляла непривычное зрение. Источник царского озарения был, однако же, скрыт. Единственным украшением этого великолепия пустоты были достигшие полного возраста и красоты пальмы, смыкавшие свой чудесный, полный причудливых теней круг у входных дверей. Дверь лифта открылась тоже сама (так открывались все двери у Аспера, хотя множество невидимых глаз следили за посетителем), и Филлат с Джисом взлетели в прозрачной сияющей клетке к пятому этажу.

Они прошли в помещение, где тотчас услышали бархатный звон гонга. Слуга сообщал хозяину о посетителях. Описывать это помещение значило бы ослабить впечатление от Лабиринта. Некий царственно-блестящий туман – вот подходящее краткое выражение увиденного вокруг себя Джисом.

Он еще мысленно кланялся миллионам, воздвигшим подобное совершенство великолепия, как из глубины света выступили два трубача в красных полумасках и средневековых костюмах. Резко и оглушительно протрубив, они скрылись, и Джис увидел трех розовых от жира свиней, в лентах и колокольчиках, везущих небольшую платформу в виде золотой монеты, фута четыре диаметром, посередине ее красовался невысокий шест с вымпелом и на нем надпись: «Я сейчас появлюсь». Некто в черном костюме, серьезный, как доктор, увел странных лошадок, и тотчас, вслед за этим, выехал к посетителям на велосипеде, помахивая татарской шапочкой, человек лет пятидесяти, в домашнем фланелевом костюме; наголо выстриженный и выбритый, с пронзительными, озорными глазами, толстым, умным лицом, подвижной, с нервным и резким голосом. Это был Аспер. Он, спрыгнув с машины, тут же уронил ее и поспешил к Филлату, мельком взглянув на Джиса.

– Какая же вы свинья, – не заговорил, а заголосил Аспер, – пять лет я не видел вас. А наши планы?.. А похищение турецкой принцессы?

– У меня накопилось много своих дел, – сурово сказал Филлат. – Позвольте представить вам своего друга: Джис – Аспер. Джис хочет посмотреть Лабиринт.

– Пусть смотрит. А как вы находите, Филлат, моих свинок, герольдов и колесницу и выезд на велосипеде?

– Очень плоско, – печально сказал Филлат. – Очень грубо.

Аспер надулся. Некоторое время самолюбие боролось в нем с признанием авторитетности Филлата. Наконец он выманил откуда-то пальцем человека с серьезным лицом доктора и коротко приказал:

– Чтобы я не видел больше свиней. В жемчужную столовую подать струнный оркестр. В бассейн пустить морских львов. Открыть все фонтаны, весь свет, все двери. Джис и Филлат, пойдемте немножечко закусить.

III

Когда Джис, через три часа после этого разговора, донельзя ошеломленный уже воочию увиденной им сказкой затейливых миллиардов, подошел с Филлатом к низкой бронзовой двери Лабиринта, он, несмотря на усиленную работу воображения, не подозревал и десятой части могущества обдуманых впечатлений, скрытых переходами Лабиринта. Теперь Филлат снова повторил Джису некоторые необходимые пояснения:

– Лабиринт очень извилист, но, как бы ни казался он вам замысловато безвыходным, вы должны помнить, что выход обнаружится сам собой, вы же идете все прямо... В случае, если вы почувствуете себя нехорошо, почувствуете тоску, страх, нервное потрясение или просто по каким бы то ни было причинам захотите оставить Лабиринт раньше, чем попадете к выходу, достаточно громко крикнуть. В стенах скрыты рупоры, передающие малейшие звуки наверх, специальной прислуге Аспера, и люк откроется там, где будете находиться в момент вскрика. Каждому, прошедшему через весь Лабиринт до естественного его конца (а это происходит не часто), Аспер подносит премию – ценный и красивый подарок. Итак, отправляйтесь, Джис.

Он потянул тонкую стальную цепочку, и дверь плавно разверзлась внутрь ниши, обнаружив светлую пустоту. Джис, кивнув Филлату, улыбнулся и быстро шагнул вперед. Через мгновение он обернулся, но не заметил никаких следов входа – гладкая, черная стенка выросла за его спиной, толкая вперед.

IV

И он почувствовал с глубоким замиранием сердца, что находится в исключительной, полнейшей тишине крытого хода, широкого и высокого. Свет впереди привлек Джиса, он быстро прошел вперед и в ярком сверкании окружающего стал удивляться и восхищаться, одолевая Лабиринт.

В начале Лабиринта не было, строго говоря, ни стен, ни пола, ни потолка в принятом смысле слова. Волны матового, зеленого, розового, золотистого и радужного стекла обливали стены и потолок, вовсе скрываясь, подобно прозрачным драпировкам, собранным капризными арабесками. Идущему казалось, что он плывет в воздухе. Так продолжалось на расстоянии неопределенно долгом, пока резкий поворот влево не оборвал этой ослепительной лавы огней.

За поворотом, в мягком рассеянном свете Джис увидел молящегося монаха, старичка с кротким лицом; все земное перегорело в его голубых глазах, детски смотрящих вверх. Немного далее молилась прелестная молодая женщина, – молилась, как выражало прекрасное ее лицо, от полноты жизни и сердца, в простом порыве. Она улыбалась так трогательно, что Джис улыбнулся тоже.

Джис слушал звук своего сердца, шум в ушах, дыхание. Торопясь и волнуясь, вдруг увидел он, что перед ним комната, обставленная старинной мебелью. За роялем сидел человек с властным выражением большого морщинистого лица и, углубившись, играл. В комнате сидело много народа: молодые люди, девицы, дамы, старики, – и Джис чувствовал, что все они теперь вне земли, в ином мире, куда увлек их гений, властный хозяин музыки. Некто в поношенной одежде, сидя в тени лампы, слушал, согнувшись и закрыв руками лицо. Уходя в дальнюю дверь, Джис невольно обернулся, ожидая, что вот все эти люди его заметят и позовут.

В неопишемом состоянии духа, как бы умерший, но помня все прежнее, начавший жить снова, в мире застывшего действия, шел он, возбужденный до крайности, из одного поворота в другой, не имея ни сил, ни времени сообразить устройство лабиринта.

Джис проходил теперь гротами, цветущими аллеями, зелеными берегами ручьев. То тут, то там виднелись влюбленные, с растроганным сияющим взглядом, в интимных, но сдержанных позах гуляющие под ручку, наклоняясь, протягивая руки к цветам, сидевшие никли головами друг к другу; пальцы их сплетались, и блуждающая улыбка, знаменующая прелесть любовных грез, освещала лицо.

Джис почти растрогался, озирая влюбленных. Любовь много говорила его молодой душе. Едва успев бросить взгляд на одну группу, спешил он далее, стараясь не раздроблять впечатлений.

И вот Джис вышел на двор милых, как круг близких, родных лиц. В будке лежала важная цепная собака, с глазами умными и заботливыми, у желоба стоял смешной серый ослик; бродили куры и петушки в куче с воробьями и голубями. Мальчик, свеженький и румяный, сидя у перил террасы, читал книжку. Маленькая девочка, держась за чистый передник сморщенной доброй няни, бросала птицам хлебные крошки, а мать с отцом стояли на верхней ступеньке террасы, с улыбкой смотря на окружающее их мирное течение светлой и хорошей жизни.

Джис, смеясь от души, как смеются иногда взрослые, читая незатейливую, детскую, но освежающую книжку, вышел из двора в низкую калитку и сразу опешил: перед ним тянулся настоящий переулочек; тесный и грязный, но настоящий.

«Так вот выход, – подумал Джис. – Но как же так это незаметно устроено и неужели я всю ночь одолевал Лабиринт? Светло, день». Он обернулся, но увидел сзади вместо оставленной калитки высокое, внезапно выросшее ограждение. Он выбежал в просвет крайних домов и понял ошибку: далеко еще не кончился Лабиринт. Он принял теперь от этого места и так

уже до конца вид обыкновенного кирпичного коридора с асфальтовым полом, частыми поворотами и круглыми расширениями.

Первое, на что наткнулся здесь Джис, был труп мужчины с разможенным черепом. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в кровь. Джис вздрогнул, предательский холод медленно поднялся по его телу от ног до корней волос. Он быстро миновал мрачное зрелище, а на повороте отшатнулся в настоящем испуге: здесь, осторожно выглядывая из-за угла, как на охоте, стоял, прижавшись спиной к стенке, плохо одетый человек, зажимая в опущенной руке нож; маниакальный, болезненно возбужденный взгляд его встретился с глазами Джиса. Джис постоял немного, овладевая волнением. «Не пора ли мне закричать?» – спросил он себя, но, устыдившись Филлата, выпрямился, подтянул нервы и продолжал путь.

На каждом шагу застывал он перед сценами диких убийств, воспроизведенных с мельчайшими подробностями поз, обстановки и ужаса положений. Удушение, выстрел, нож, гиря, яд... Вся обычная техника лишения жизни провела на его глазах хаос агонических судорог. Он видел целые коридоры, наполненные мятущейся в иступлении толпой, где убивали, зверя, друг друга; виселицы, униженные скорченными повешенными, ландскнехтов, насилующих женщин и девочек, корзины, полные отрубленных голов, напоминавших уснувших рыб. Спасая готовый помутиться рассудок, Джис закрывал иногда глаза, отворачивался, топал ногой, чтобы одолеть звуком кровавое вдохновение тишины. Под конец он уже плохо различал, что делают вокруг него эти люди с поднятыми руками и бледными лицами; он слабел, шатался, вздрагивал и вдруг побежал с быстротой преследуемого. Горы трупов окружали его; они были сложены, как дрова, вдоль стен; стеклянные полузакрытые глаза их смотрели, не видя. Жалкий остаток самолюбия цеплялся, колеблясь, за висящий на волоске крик. С разбега Джис остановился, не понимая, куда он теперь двинется: перед ним вырос тупик, застланный светящейся выпуклостью.

Это был глаз человека в полной живости его взора, но настолько большой, что занимал весь тупик, и Джис едва достигал головой верхнего края огромного, как колодец, зрачка, смотревшего на него в упор. Глаз был окровавлен и слезился. Нижнее веко распухло, верхнее судорожно приподнялось. Невозможно было двояко оценить взгляд. Он не выражал даже страдания, а кричал о такой дикой боли, от которой мутится сознание. Взгляд этот обнимал Джиса целиком, всего; топил и перемалывал в себе, подобно пропасти. Тогда вздрогнув, но пытаясь овладеть собой, сосредоточил он потрясенное внимание в глубине таинственного зрачка и там во весь рост увидел себя, с лицом, столь мучительно-напряженным и вредным, что едва удержался от крика, – крик был бы неистовым. Сломав оцепенение, кинулся он в боковой проход и вышел, содрогаясь, как избитый, к свету полуоткрытой двери.

Он поднялся к свету, в знакомый уже ранее переулочек с часами за окном, бельем на веревке и воробьями, копающимися в пыли.

«Да неужели я заблудился?» – с отчаянием вскричал Джис. Он шумно дышал, осматриваясь, не веря глазам и слуху: за переулочком громыхали телеги, женщина вышла из калитки с корзиной на голове, раздались неясные голоса. Дикий страх овладел Джисом.

– Горе мне! – сказал он. – Теперь-то Лабиринт обрушится на меня тем же, но со звуками и движениями!

И он захотел вернуться, но, обернувшись, увидел непроницаемую кладку кирпичной стены, из нее он вышел незаметной теперь дверью в начале настоящего переулочка, точную копию которого ранее показал ему Лабиринт. Но Джис еще не знал этого. Пройдя немного вперед, он увидел сидящих перед уличным столиком трактира Филлата и переодетого рабочим Аспера; понял, что Лабиринт остался позади весь, и, судорожно улыбаясь, сел на свободный стул.

– Что, здорово я встряхнул вас? – сказал Аспер.

Джис молчал. Его знобило. Он выпил залпом стакан вина и расплакался.

– Ну, ну, – сказал нежно Филлат. – Пейте лучше вино.

Аспер подвинул к вздрагивающей руке Джиса золотой медальон, украшенный бриллиантами.